

Ана Асная

ИГРЫ С ОГНЕМ

там же, но не те же

18+

Игры с огнем

Яна Ясная

Игры с огнем. Там же, но не те же

«Яна Ясная»

2018

Ясная Я.

Игры с огнем. Там же, но не те же / Я. Ясная — «Яна Ясная»,
2018 — (Игры с огнем)

Ричи — золотой мальчик, аристократ, наследник состояния, гроза Андервуда. Какой он на самом деле? Ильза — замкнутая девочка-иностранка, чужеродное звено в привычном коллективе. Какая она на самом деле? И что скрывают оба?.. Бонусная повесть к роману «Игры с огнем», в которой мы узнаем немного о том, что скрывается за «долго и счастливо» семейства Феррерс.

© Ясная Я., 2018

© Яна Ясная, 2018

Содержание

Ильза	5
Ричард	7
Ильза	9
Кейт	13
Ричард	16
Кейт	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ильза

Они бесновались.

Натягивали поводки, и шипастые ошейники впивались в напряженные шеи – того и гляди, оборвут привязь и пожрут меня. Лязгали клыки, летела слюна. Девочка сжималась в комок и прижималась к стене, стараясь хоть так уберечься от зловонных пастей.

Девушка с длинными светлыми волосами ниже талии презрительно скривила губы и сказала что-то подругам. Что-то едкое, наверняка – обидное, судя по гримаскам на хорошеньких личиках. Они не спешили уходить к столикам, глазели на меня, обтекающую унижением возле раздачи.

Я не слышала ее слов, мне словно уши заложило, и, как часто это бывает в моменты стресса или паники, звуки доносились будто сквозь толстый слой ваты.

Я боялась не справиться, не удержаться, и от страха меня ощутимо подташнивало, и я очень старалась дышать. И держаться независимо, невозмутимо и отстраненно...

Только внутри, в какой-то дальней, существующей лишь в моей голове камере, девочка вжималась в твердую холодную стену, а звери заходились бешенством, пытаясь добраться до нее.

Я не справлялась. Катастрофически не справлялась.

Кобеля звали Гнев, и он был огромным, тяжелым и страшным в лобовом ударе. Прямой линейной тупая сила, сбивающая с ног, сметающая все на своем пути.

Суку звали Злоба. Она была меньше, легче и незаметней. И как типичная сука, она была коварна и хитра. Она не действовала в лоб, она предпочитала затаиться и нападать исподтишка.

Там, где он стремился рывком оборвать привязь, она немыслимыми финтами старалась вывернуться из ошейника.

Одноклассники в новой школе меня невзлюбили сразу – иностранка, инородное тело, всунутое в притертый за столько лет коллектив. Странная, непривычная, да еще и такая... затюканная.

Вся затея с этой новой школой была ошибкой. И окончится она... сломанной клеткой. Сорвавшимися с поводков внутренними тварями. Смертями.

Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, а на глаза наворачиваются злые слезы...

– Ну и что тут происходит? – раздался вдруг ленивый, равнодушный голос.

Оглушенные моими собственными эмоциями, органы чувств меня подвели, и новое действующее лицо я заметила только тогда, когда спина, обтянутая белой спортивной футболкой, загородила мне обзор, заслонила девиц от меня, а меня – от них.

Спина была упоительно широкой, голос низким, глубоким, а заданный этим голосом вопрос был обращен не ко мне. Ответа на него не последовало, но – о, чудо! – противные девицы вдруг вспомнили, что завтрак не бесконечен, а у них есть дела.

Парень, от которого я успела рассмотреть лишь спину, был высок, широк в плечах и нетороплив. У него был коротко стриженный светлый затылок. От него хорошо пахло гелем для душа, чистым телом и дорогим парфюмом.

Я вдыхала этот запах – и успокаивалась. Твари внутри меня, сбитые с толку новыми впечатлениями, настороженно принюхивались, взрыкивали и переминались – они не привыкли отступать, но девочка, сжавшаяся в комок под холодной стеной, была рада и этой передышке. Возможно, если она отдохнет, она сумеет набраться сил, чтобы взять своих монстров на поводки.

Девочка – это я. И для того, чтобы выйти из каморки, мне необходимо подчинить себе Гнев и Злобу. Меня отправили в Андервуд из родной Шельгары, перевели с домашнего обучения в известную на весь мир школу-пансионат закрытого типа, чтобы научить владеть собой.

Я Ильза Ар-Бравлинг, и у меня проблемы с контролем над эмоциями.

Ричард

Вот те на. За неделю моего отсутствия на занятиях в классе появилась новенькая. Учебный год уже пару месяцев как начался, и потому появление новых лиц было особенно удивительно.

Я неторопливо двигался вдоль стойки раздачи, делая вид, что мне плевать на все – и на почтительно раздающихся в стороны передо мной студентов, и на торопливо составляющую на поднос еду смуглую новенькую, явно старающуюся держаться у меня в кильватере и опасующуюся отставать.

В общем-то, я и не делал вид, мне действительно было плевать.

В Андервуде мне старались дорогу не заступать. Неужто можно заставить Ричи Феррерса стоять в очереди за завтраком или там толпиться-пихаться вместе со всеми у листов с результатами контрольных?

Придурки. Я из-за таких мелочей не завожусь. Но сложившаяся репутация есть сложившаяся репутация. Я поддерживаю. И пользуюсь – в конце концов, стоять в очереди действительно лениво.

Так что, не обращая внимания на соучеников, мгновенно дающих мне живой коридор (носорог очень плохо видит, но при его весе это уже не его проблемы!) я неторопливо прошел к столу нашей группы. На минуту шевельнулся интерес – как новенькая, сядет рядом?

Но нет – вместе со своим подносом она выбрала себе другой столик, из свободных двухместных. Но – за моей спиной.

Я позволил себе чуть ухмыльнуться: мы горды, мы не навязываемся! Хотя и отчаянно трусим остаться без прикрытия.

Ну да предки с ней. Я взял приборы и сосредоточился на завтраке.

От занятий меня отстранили за драку с применением магии. Не первую и, пожалуй, не последнюю. Наставники, как всегда, пристально искали признаки срыва, но я честно признался, что действовал не ведомый неподконтрольными силами, а абсолютно сознательно – просто чтобы до того самого срыва не доводить.

Иногда проще взять оппонента, стиснуть магическими тисками и стукнуть легонечко о стену вразумления для, чем дожидаться, пока ситуация станет действительно критической, и твой дар вывернется из-под контроля воли, и сила рванет, распространяясь упругой свирепой волной...

Тьютор только за голову хватался от моей незатейливой логики, с самого первого раза, как я ознакомил его со своей теорией, и до сих пор.

Разбирательство каждый проводилось по полной форме – студенту седьмого курса, ясное дело, безопаснее признаться в дисциплинарном нарушении, чем в магическом, которое может повести за собой что угодно вплоть до запечатывания, но все тщетно. Нарушение каждый раз было дисциплинарным.

После каждой стычки наставники хором пели о том, что мне необходимо проявлять больше терпимости, человеколюбия и хороших манер, ведь-я-же-будущий-лорд-Феррерс, ведь-во-внешнем-мире-со-мной-так-возиться-никто-не-будет, откажут от общества и все.

Потом вступал я с сольной партией – и сообщал, что, как по мне проще и эффективнее дать по зубам противнику, и тем конфликт исчерпать, чем доводить дело до неконтролируемой конфронтации...

На заднем фоне заунывно скучающую скрипку играли родители, без особого энтузиазма поддакивающие наставникам. Видимость родительского контроля и участия сохранялась, а на деле она звучала так: «Ты большой мальчик, если считаешь, что так тебе проще, то поступай как знаешь. Только не убей никого, ради всего святого!». Впрочем, родители у меня в прин-

ципе со скепсисом относились к абсолютной компетентности наставников в вопросе контроля и безопасности магов-аристократов.

За сим концерт по заявкам заканчивался, я получал свое взыскание, отбывал его и возвращался к занятиям. Противостояние с наставниками временно затихало – чтобы после очередной стычки зайти на новый виток.

В школе я имел репутацию вспыльчивого и агрессивного парня – но это фигня, я просто действительно считал хорошую зуботычину прекрасной альтернативой магическому выбросу.

– Видал? – спросил у меня Алан, друг и неизменный партнер по спаррингам, еле ощутимо кивнув в сторону столика, занятого новенькой.

– Красивая, – равнодушно отозвался я и, только когда над столом повисло дружное молчание, оторвался от завтрака, заподозрив, что происходит что-то не то. Однокурсники все как один смотрели на меня и лица их отражали самые разные чувства – от удивления до сомнения в моем психическом здравии.

После непродолжительных переглядываний, роль переговорщика взяла на себя умница Ноэль, за которой давно закрепились роль внутреннего дипломата.

– Красивая? – осторожно уточнила она.

Парни благоразумно молчали.

Друг Алан, провокатор безбашенный, орудовал ножом и вилок, всем видом демонстрируя, как увлечен трапезой.

В ее голосе было столько скепсиса, что я на всякий случай оглянулся, чтобы перепроверить мимолетное впечатление.

Не по-местному смуглая кожа, не загар, а именно природный темно-оливковый цвет. Волосы умеренной длины – темные, гладкие, блестящие, похожие то ли на горький шоколад, то ли на черное дерево. Ресницы вон какие – даже отсюда видно. Какая там у новенькой фигура, с моего места нормально видно не было, но худенькая. Хрупкая.

Она вызвала желание держать ее в ладонях, оберегая, как выпавшего из гнезда птенца-подлетка. Собственно, я поэтому и встал между ней, остолбеневшей, с застывшим, забитым выражением лица и местными красавицами.

– Ну, – обратился я к однокурснице, непреклонно ожидавшей ответа, – волосы вон. Глаза еще.

– У нее нос огромный и осанка ужасная! – отчеканила Ноэль со свойственной ей дипломатичностью, и первая красавица школы Дженнифер, белокурая и прекрасная, прям как расцвет, возмущенно фыркнула.

– У нее нос, как у древних королей. Профиль со старых монет, – равнодушно отозвался я, возвращаясь к остывающей еде на моей тарелке.

Парни заглядывались вслед за мной и запереговаривались, приходя к выводу, что она, конечно, странноватая, но да, что-то есть.

Кто-то из девушек вдохнул, явно собираясь продолжить тему – но я поднял взгляд, и Дженнифер закрыла рот, проглотив набранный воздух и все, что хотела сказать. Ноэль закатила глаза:

– Извращенцы! – и дискуссия была признана закрытой.

Ильза

После сцены в столовой отношения с одноклассниками каким-то стихийным образом выправились. Меня больше не цепляли. Парни поглядывали с интересом, девушки фыркали, но открытой враждебности больше не проявляли, и слава предкам. Мне же, сосредоточенной на собственных проблемах, некогда было анализировать и разбирать их взгляды, равно как и завязывать приятельские отношения. Да и желания такого не было, по правде сказать.

Я наслаждалась выпавшей передышкой.

Последний конфликт случился в тот самый день, что и происшествие в столовой, и теперь при участии того самого парня в футболке. К тому времени он, правда, успел переодеться в приличествующую всем студентам школьную форму.

Я уже сидела на своем месте в кабинете истории магии, когда блондин подошел и небрежно шлепнул на парту рядом со мной свой рюкзак.

Я бы не отреагировала на это никак, но он сам обратился ко мне:

– Ты села на мое место.

Я растерялась. Я не ждала от него подвоха почему-то – не после того, как он одним вопросом помешал травле в столовой. И не знала, как надо реагировать на такие слова. Сказать, что не знала, что это его место? Извиниться и уйти, пересест? Что вообще говорят в таких случаях друг другу школьники? По крайней мере, те, которым не надо при этом умудриться не спустить с цепей бешено орущую свору.

– Это место было свободно. Учитель меня не поправил.

Если до этого в кабинете раздавались какие-то звуки, то теперь повисшее молчание стало полным. Окружающие замерли, в ожидании реакции блондина на мои слова.

Тот молчал. Выражение лица у него было ленивым, каким-то сонным, что ли. Складывалось впечатление, что парень медлителен и туповат. Вот только медлительные и туповатые люди не концентрируют на себе всеобщее внимание, их слова не отслеживают, затаив дыхание.

Паузу прервал мелкий и быстроглазый парень, сидевший позади меня. Он перегнулся через свою парту, дотянулся до рюкзака блондина и шлепнул его рядом с собой, и как ни в чем не бывало обратился к своему соседу:

– Дилан, освободи место, ты же видишь, будущему лорду Феррерсу негде кости кинуть.

К моему удивлению, поименованный Диланом отреагировал без всякого негатива, с чуть заметной ухмылкой. Сгреб свои вещи и собирался пересест, когда вмешался блондин:

– Спасибо, Алан, но я уже определился, куда сяду, – иронично произнес он, и забрав свой рюкзак, опустился на место по соседству со мной.

Я внутренне подобралась.

Я готовилась к провокациям и собиралась приложить все силы, чтобы им не поддаться и не сорваться, но блондин вел себя настолько нейтрально, что вернее было бы сказать – безразлично. Он не обращал на меня никакого внимания, и я понемногу расслабилась, и внутренние твари перестали натягивать поводки, дрожа от нетерпения.

Сразу после занятия я нашла тьютора, рассказала ему о случившейся ситуации и попросила совета. Не знаю, что он предпринял, но когда я вошла следующую аудиторию, преподаватель счислительной магии перехватил меня словами:

– Мисс Шиас, это место свободно, можете сесть здесь.

И я вздохнула с облегчением – во-первых от того, что мои слова сочли не блажью, а поводом для вмешательства, а во-вторых, оттого что конфликт был исчерпан, толком не зародившись.

С этим парнем, Ричардом Феррерсом, как звали блондина наставники, или Ричи, как обращались к нему друзья, с ним лучше не связываться – особенно мне с моими проблемами, чутье и наблюдения показывали это совершенно однозначно.

Блондин был центром класса. В любом помещении, куда бы он не входил, школьники немедленно смолкали и сперва оборачивались на него, а потом возвращались к своим делам. Его мнение, высказанное лениво и незаинтересованно, почти мгновенно становилось мнением класса. Перед ним не то чтобы заискивали – скорее, старались не сталкиваться.

Учился он так же, как и делал все остальное – вроде бы лениво, незаинтересованно, но безупречно. Туповатый верзила, по лицу которого сложно было предположить наличие интеллекта, по всем заданиям неизменно получал высший бал...

...еще от него хорошо пахло. Запах, который я учуяла еще в столовой, странным образом меня успокаивал, отвлекал от собственных страхов – и тогда, в классе, я только к концу урока спохватилась, что не испугалась срыва. Я обиделась, растерялась и не сразу нашла, что сказать, но не испугалась, что неуправляемые эмоции оборвут поводки.

Кажется, девочка выглянула из каморки.

Я втянулась в учебу. Влилась в незамысловатый ритм ежедневных занятий и редких выходных, тихо присутствовала в аудиториях... и очень удивилась, когда однажды доброжелательная Ноэль, одна из тех немногих, кто пусть не пресек травлю по первости, но и не поддерживал, подошла ко мне возле столовой и сказала:

– Ты извини за то, как у нас тебя встретили. Сама не знаю, что на наших девчонок нашло! Это было неожиданно. И неожиданно приятно. И я почти не покривила душой, ответив: – Ничего страшного. Бывает, – и позволила однокласснице утянуть себя за общий стол. Да так там и обосновалась.

К тому же я-то немного подозревала, что на них нашло. Моя семья желала знать, как я поведу себя в критических условиях – и обеспечивала мне эти условия. Жестоко, но, наверное, необходимо.

Мало какие родовые маги в наше время не знают проблем того или иного порядка. Великая сила – великая ноша. И проблемы у всех разные. И способ справиться с ними для каждого – свой. И пока подберешь нужный ключик к ларцу... несколько предыдущих обязательно сломаешь.

Я понимала, что со мной делают и для чего. Но понимала еще и то, что странным образом улучшение в моем состоянии случилось с появлением в моей жизни Ричи Феррерса. И это... смущало. Я не понимала, как должна это воспринимать.

Положа руку на сердце, я не могла даже откровенно сказать, что он мне нравится. Нет, ну нравится, конечно, ничего плохого он мне не сделал, но не в том же смысле! Мне все это не интересно, да и вообще – не до того!

Родители твердили, что гордятся моими успехами, тьютор хвалил стремительный прогресс. И мне просто неловко было им признаться, что дело-то вовсе не в моей внезапно проснувшейся силе воли. А...

Впрочем, в чем дело, я и сама пока не поняла.

* * *

А потом вдруг как-то неожиданно, рывком, приблизились зимние каникулы. Одним прекрасным утром я вошла в аудиторию и обнаружила, что одноклассники радостно и возбужденно что-то обсуждают. Решив, что меня это не касается, я уже собиралась тихо-мирно пройти на свое место, не привлекая внимания, как вдруг Алан Плай заорал через всю аудиторию:

– Эй, Ильза, а ты едешь?

– Куда? – невозмутимо уточнила я.

Алан, притворяющийся бестолковым несерьезным лоботрясом, почему-то напоминал мне мурену в засаде. Тот Алан, который иногда выглядывал из глубины созданного образа, мне нравился – он был хищным, внимательным и опасным. От того же Алана, который был представлен вниманию общественности, я старалась держаться подальше – слишком шумный. Мне больше импонировала маска того же Ричарда Феррерса – молчаливый, туповатый увалень.

– Как – куда?! – изумился Плай. – Наш друг Ричи приглашает всех к себе в гости на зимние праздники!

И Алан потрепал по волосам абсолютно безучастного ко всему блондина, склонившегося над тетрадью.

Я позволила себе выгнуть бровь, демонстрируя одновременно неодобрение манерам Алана и удивление приглашению.

– Всё, всё! Не смотри на меня так, я не готов становиться каменной статуей, – шут попытался прикрыть лицо, и это вышло до того забавно, что я склонила голову, делая вид, что занята подготовкой к уроку и пряча за волосами улыбку.

Они забавно смотрелись рядом – оба светловолосые и светлоглазые, но Плай невысокий, подвижный и с живой мимикой, а Феррерс, пусть сухощавый, но рослый и широкоплечий, и как будто находящийся в режиме глубокой экономии энергии. В том числе – интеллектуальной. Плай выглядел сжатой и ускоренной версией своего друга.

Про Феррерса ходили странные слухи. Его называли агрессивным, неуравновешенным. Говорили, что достаточно пустяка, чтобы он сорвался и позволил себе распустить руки, и даже когда меня только приняли в эту школу, его не было на занятиях, потому что он был наказан за очередную драку. Его откровенно опасались.

Но за всё то время, что я здесь учусь, я не увидела реального подтверждения этим слухам, и потому недоумевала. Агрессивный? Вспыльчивый? Да в перманентно поломанной и оскорбленно плюющейся кофеварке в столовой больше агрессии, чем в нем.

Ведь даже сейчас – он никак не отреагировал на фамильярность Алана. Конечно, они друзья, и приятелю позволено больше, чем остальным, но... ведь не настолько же, чтобы обращаться с будущим лордом, как с щенком-несмышленищем!

Я видела неуравновешенных людей, я сама была одной из них – и ничего подобного в однокласснике не замечала.

Да и потом, то неподдельное уважение, которое проявляли к нему не только школьники, но даже и учителя, не мог бы вызвать человек, не способный держать в узде вспышки своего дурного настроения, вот что мне думалось.

А возможно, я просто была слишком предвзята, и не хотела думать о нем плохо.

– Так что, – Алан лихим скачком, опершись на две столешницы, перепрыгнул через стоящие между ними стулья, и небрежно сел – да практически плюхнулся – за соседнюю с моей парту. – Ты едешь?

– Алан, тебе не говорили, что распоряжаться чужими приглашениями – дурной тон? – улыбнулась я. – Если твой друг желает гостей – то именно он их и приглашает.

Конечно, делать незнакомому молодому человеку замечания по поводу манер тоже не слишком прилично, но Алан был такой забавный, что я не стерпела. И мне было приятно, что он обо мне вспомнил. Но это все равно не значило, что меня будут рады видеть среди старых добрых знакомых.

– Так он и приглашает! – простодушно откликнулся Алан, словно недоумевая, как я очевидных вещей не понимаю. Приходилось признать, что очаровательная простота Алана работала – сдерживать улыбку было всё труднее. – Видишь – молчит и не спорит? Значит, согласен!

Я почти против воли подняла взгляд на Феррерса, не представляя, как он отреагирует на столь великолепное хамство.

– Да, пожалуй, – отозвался тот с видом заговорившей каменной статуи и вернулся своим важным делам.

Мне показалось, что он просто с трудом сдерживает смех.

– Вот видишь! – возликовал Плай. И подкупающим, вкрадчивы тоном добавил: – Будут традиционные праздничные развлечения! Соглашайся! Не пожалеешь!

И я сдалась:

– Хорошо. Я спрошу у родителей разрешение.

В конце концов, за эти четыре месяца у меня был существенный прогресс. Твари почти не поднимали голову...

Возможно, мне и правда разрешат недельный визит в гости.

Кейт

Майкл, оставив попытки освободить хвост, противно орал на одной ноте. Мэнди пускала блаженные слюни и хлопала глазами с видом невиннее, чем у фарфорового младенца на витрине магазина.

Я стояла и размышляла о бренности земного, а в особенности – материнского – бытия.

Нет, конечно, можно выдрать из детского кулака хвост – и кот заткнется. Но тогда заорет Мэнди.

Пат.

Ситуацию могло бы спасти, если бы кот, будучи все же существом не самым глупым, просто постарался не попадаться ребенку на глаза – но увы, на старости лет Майкл угодил в чудовищную ловушку под названием «любовь». К нашему старшему ребенку кот не испытывал и половины таких трепетных чувств.

К сожалению, столь же трепетные чувства он испытывал к своему хвосту. И потому, не в силах ни высвободить его самостоятельно, ни уйти надолго от мучительницы, Майкл противно орал на одной ноте. Ребенок блаженно ворковал.

Кто-нибудь, заберите меня отсюда!

Дети нынче радовали – от младшей прямо под праздники сбежала очередная няня, к счастью, в отпуск. Правда, внеплановый. И правда пока – в отпуск. По тому с каким выражением на лице она в него сбегала, я подозревала, что отпуск – это страшнее, чем экспедиция на крайний север в места захоронений древних магов. Оттуда – можно и не вернуться.

Экономка судорожно занималась поисками подмены, но накануне Рождества было не так-то просто подобрать кандидатуру, которая устроила бы сразу её, меня, службу безопасности господина министра, самого господина министра и Мэнди.

Впрочем, последней угодить было сложнее, чем нам всем, вместе взятым. За неполный год жизни милое чудовище «сожрало» двух вполне достойных специалистов и, судя по всему, как раз «дожевывало» третью.

Старший ребенок тоже не подкачал. Впервые за семь лет обучения он изъявил желание пригласить на Рождество гостей.

Сразу весь класс.

Спасибо, что, по крайней мере, заблаговременно известил о своих намерениях – но все равно, это решение драгоценного чада стало сюрпризом.

Ранее оное чадо в излишнем человеколюбии и жажде общения уличено не было. И из всех одноклассников у нас дома в гостях мы наблюдали разве что Алана Плая...

Мы с Эдвардом пребывали в мрачных предчувствиях.

* * *

На эту девочку я обратила внимание, как только она переступила порог дома. Нет, не материнское сердце-вещун подсказало – оно, вопреки расхожему мнению, промолчало. Мое сердце вообще довольно бесчувственный орган, только и годится кровь качать, а к тонким материям не склонно напрочь. Просто девочку совершенно спокойно пропустили сторожевые заклинания, установленные на дом. Причем, стандартное, поставленное службой безопасности Эдварда, вообще не идентифицировало странностей, а модифицированная защита моей разработки успела только сообразить, что ее дурачат, и соскользнула с многослойных щитов.

Я не стала прерывать ритуал знакомства и приема гостей, но зарубочку на память сделала. Об этой странности надо было поговорить с Эдди и Стэном Ароу.

А потом я заметила этот взгляд.

В присутствии девочки у Ричарда появлялось равнодушное, безэмоциональное выражение на лице. Полнейшее безразличие. И с этим выражением он ни разу не выпустил ее из поля зрения. Я знала этот взгляд. Я регулярно наблюдала его на приемах, протокольных мероприятиях, при большом скоплении людей. В подобной обстановке Эдвард становился ориентирован на меня, как стрелка компаса – на магнитный полюс. С кем бы ни разговаривал и чем бы ни был занят – он всегда вставал так, чтобы удерживать меня на периферии зрения.

Ричард не уделял ей внимания больше, чем другим одноклассникам, скорее даже наоборот – но за все время с приезда домой ни разу не оказался к ней спиной.

Рядом с первой зарубочкой появилась вторая – запросить у службы безопасности досье на одноклассницу сына.

А потом ко мне подошел секретарь Эдварда, и сообщил, что к ужину ожидается прибытие лорда и леди Феррерс.

Недобрые предчувствия оправдались. Полностью.

* * *

Вечером, уже после ужина, в кабинете Эдварда стихийно собрался военный совет. Нечего было и надеяться, что свекры упустят то, что заметила я.

– Может, еще обойдется! – ободряюще сказал свекр свекрови. – Приглашение в гости в числе прочих друзей еще ничего не значит.

Леди Феррерс одарила супруга мрачным взглядом и вернулась к скорбному созерцанию чашечки кофе. Давным-давно, когда-то в прошлой жизни, она уже слышала подобную фразу. «Девочка-донор из простецкой семьи! Подумаешь! Это еще ничего не значит!».

Уютно потрескивал камин. Бра на стенах создавали по-домашнему теплый полумрак.

Эдвард молча протянул родителям досье на девочку, с которым мы успели ознакомиться прямо перед визитом лорда и леди Феррерс, и спрятал ироничную улыбку у меня в волосах. Обнял меня за плечи, коснулся губами макушки. Я склонила голову к нему на плечо и мудро промолчала. Не обойдется, конечно, но родители мужа будут последними людьми, которых я стану об этом информировать.

Что бы кто ни думал, начиная от наставников и тьюторов, заканчивая всеми остальными, Ричи отлично знает о своих проблемах. Он учитывает их всегда. У мальчика сила воли, которая ни одному из нас и не снилась. И раз он даже не попытался ухаживать за девочкой (а он не пытался, в ее поведении явно читалось полное отсутствие понимания его мужского внимания) – значит, он и сам всё понимает.

Впрочем, кого из Феррерсов это когда останавливало?

На праздник-то он ее все же пригласил...

Я отвлеклась от собственных соображений и снова вслушалась в разговор.

– Ильза Шиас, – прочитала леди Феррерс. – Никогда о таких не слышала. Шельгара. О, предки, Чейз, она шельгарка. Еще лучше.

Свекровь недовольно сжала губы. Из гостиной, где устроилась молодежь, донесся взрыв здорового хохота. Эдвард молча протянул отцу бутылку коньяка. Тот так же молча протянул руку, достал из потайного (ой ли!) ящичка в подлокотнике дивана четыре бокала и не дрогнувшей рукой плеснул всем по полрюмки благородного напитка. Потом подумал, и супруге долил до полной. Леди Элис позволила себе еще один недовольный взгляд на мужа. Но рюмку приняла.

– Пятый ребенок в семье из восьми, – забрав у жены скромное досье, которое нам предоставил по запросу Андервуд, вслух прочитал свекр. – Хм, весьма неплохо, дорогая, ты не находишь?

– То, что она из плодovитой семьи, вовсе не значит, что сама способна выносить и родить восьмерых здоровых отпрысков, – непримиримо отозвалась Элис. – К тому же, учитывая и без того подпорченную наследственность Ричи, ему следует подобрать девушку с хорошей, сильной генетической линией. Иначе, вполне возможно, даже заведи он восьмерых детей – все они окажутся ущербными.

Я повернула голову на бок и мечтательно улыбнулась в рубашку Эдварда. Прошли, прошли те времена, когда Элис могла задеть меня подобными высказываниями, и теперь я испытывала разве что легкую ностальгию.

Рука мужа скользнула по спине, поглаживая кончиками пальцев по выемке позвоночника. Захотелось поежиться от мурашек и прижаться теснее. Но не время и не место.

Как был провокатором, так и остался.

А вот детей от общения с леди Феррерс, пожалуй, все же лучше оградить...

– Отец – промышленник, у матери докторская степень в сфере экономики. Магический потенциал – умеренно высокий с перспективой роста. Очень... – Чейз колебался, выбирая подходящее определение: – мило. Замечательная невеста. Для кого-то менее статусного и на-амного менее проблемного, чем Ричард.

Я, устало прикрыв глаза, тихонько вздохнула. Пожалуй, не буду им говорить, что это досье яйца выеденного не стоит. Щиты, которые укрывали девочку Ричи, наводили на занятные размышления.

Например, о том, что тому, кто способен поставить подобные щиты, и подставную био-графию сверстать ничего не стоит.

А вот это заставляло задуматься куда сильнее.

Ричард

Визит домой удался. Сразу после приезда, дав только разместить гостей, меня вызвал к себе отец, и кратко, но исчерпывающе напомнил мне о моих обязательствах. Когда он закончил, я на всякий случай уточнил:

– Мама?

Отец взглянул на меня с интересом:

– Мама.

Я вздохнул.

– И как она догадалась?

Во взгляде отца отчетливо мелькнуло сочувствие:

– Кто ж их, женщин, разберет?

Вот это-то мне как раз было сейчас очень понятно. Когда отец отпустил меня, разрешив вернуться к друзьям, я, уже почти выйдя из кабинета, не удержался:

– Пап, ну я уже понял, что из всяких там высоких соображений она не подходящая. А сама-то она как вам?

– Пока не знаем, – хмыкнул отец. – Служба безопасности еще работает.

Я не удержался от понимающе-грустной улыбки и попросил:

– Ну вы не судите сходу. Присмотритесь – вдруг, она и ничего?

Отец вздохнул, постучал ручкой по крышке рабочего стола в раздумьях и велел:

– Задержись.

Кивком указал мне на диван, и я без споров сел, куда велено. Отец потер подбородок, и задумчиво проговорил:

– Ричи, не знаю, обращал ли ты внимание, когда рассматривал свою магико-генетическую карту, на такой показатель, как уровень магического контроля. Он динамический, и рассчитывается не только для конкретного мага, но и для генетической линии. Его еще называют показателем Веллера. Оценивает надежность природных щитов по шкале от нуля до десяти, и рассчитывается только для представителей аристократических магических родов – у остальных просто нет такого встроенного предохранительного механизма. Потому что у остальных и сила не такая...

Я неопределенно пожал плечами. Нет, про свои недостатки я все знал, но не был уверен, что дословно помню теорию и не совсем понимал, к чему она мне сейчас. Отец кивнул и продолжил:

– Такие расчеты с неплохой точностью предсказывают, насколько проблемным будет магическое становление ребенка. Понимаешь, сынок, – он сел рядом со мной на диван, – этот показатель – динамический. Он должен колебаться от потомка к потомку, то повышаясь, то понижаясь. Когда он высокий, выше семи единиц – это хорошо. Очень хорошо. Когда растущий – тоже хорошо. Но когда он долгое время высокий или постоянно растущий – это очень хорошо для конкретного человека, но скверный признак для генетической линии в перспективе.

– Потому что это чревато резким обвалом? – предположил я.

– Да, – кивнул отец. – До критически низкой величины. В таких случаях величину показателя у потомков корректируют браком с подходящей партией. Именно поэтому у аристократов, прежде чем заключать помолвки между детьми, сравнивают их генетические карты, делают расчеты и прогнозы. Это не дань стародавней, изжившей традиции, это забота о безопасности детей и внуков.

Он помолчал и продолжил:

– Когда я родился, показатель Веллера у меня был низким, не доходил даже до пятерки, да еще и в понижающейся динамике. И, по уму, для брака мне бы следовало выбирать девушку из числа аристократок с хорошим прогнозом и растущей динамикой. . . – Он взъерошил волосы и, словно извиняясь, произнес: – Но я встретил твою маму. В маме нужной крови не было вообще. Улучшить мою генетическую линию она не могла. Нам прогнозировали проблемных детей, расчет по продолжению рода был. . . скверным. В среднем – от четырех до трех с половиной единиц показателя Веллера, возможно, даже три единицы, что уже очень-очень серьезно. И опасно. Это были наиболее вероятные показатели. А мы их проскочили, и получили два полярных, прямо противоположных значения из всех возможных – Мэнди с ее растущей семеркой и тебя. С полным нолем по шкале Веллера, но полноценным родовым магическим даром. То, что ты пережил младенчество – это чудо. И огромный труд всей семьи. . . Ноль – это удача в нашем случае. Ноль – это возможность навести щиты извне, запитав их от родственников, согласных нести это бремя. Сковать твою силу, и потихоньку отпускать по мере твоего взросления. Если бы у тебя была хотя бы единица – номер бы не прошел. Твои собственные щиты конфликтовали бы с наведенными конструктами. Понимаешь, о чем я говорю?

Я молчал. Я понимал.

Я помнил.

– Нам все же с тобой повезло. Пусть природные щиты у тебя отсутствуют, зато здоровое родовое упрямство и сила воли Кейт Сеймур, – он тепло улыбнулся, – в наличии и боеспособности. Нам говорили, что, вполне вероятно, сдерживать твою силу придется кому-то едва ли не всю жизнь. Но ты превзошел все наши ожидания. Признаться, наставники Андервуда были в ужасе, когда мы вознамерились подсунуть им родового мага с нулем по шкале Веллера, но ты с блеском прошел все экзамены, и у них не было выбора. Именно поэтому мы с мамой никогда не вмешивались в твое магическое развитие, ты лучше всех нас вместе взятых знаешь, как избежать опасных ситуаций. Но. . .

Отец вздохнул.

– Просто сейчас речь идет не о тебе. Вернее, не только о тебе. Мы возвращаемся к тому, что у тебя врожденные щиты отсутствуют, как у самого обычного мага. Возможно, сейчас ты об этом не задумываешься, но тебе нечего передать своим детям. Их защитные механизмы будут полностью зависеть от их матери. А вот сила. . . Сила у них будет наследственная. Родовая. Ее ты воспринял в полной мере. Та же Мэнди будет куда слабей, когда подрастет.

Я молчал. Отец смотрел сочувствующе. И, кажется, виновато. Да нет, бред. За что ему чувствовать вину? Передо мной-то точно не за что. За то, что они меня родили, что ли?

– Прости, сынок. – Я изумленно поднял голову. – Получается, что ты заплатил за наше с мамой семейное счастье.

Я хмыкнул и даже позволил себя обнять.

– Да ладно, пап. Ну чего ты? – Посчитав нежности достаточными, я попытался вывернуться, но меня только крепче стиснули. – Я-то уж точно не в претензии!

* * *

А теперь, когда все расплзлись по комнатам, я мрачно валялся на кровати со взятой наугад книжкой. Сегодня со мной сочли необходимым поговорить все старшие родственники. И, честное слово, лучше бы не делали этого – если отца я хорошо понимал, и понимал, как непросто ему дался этот разговор, то бабушка с дедушкой. . . Беседы с ними оставили после себя яркое, свербящее раздражение. Отлично, я понимаю, что эти люди меня любят. Но. . .

Пока что отставала только мама. Ее я и ждал, мрачно перелистывая любимый в детстве приключенческий роман.

С мамой у нас шло позиционное противостояние со времен моего поступления в Андервуд – с того самого момента я считал, что я уже взрослый, и меня не нужно навещать перед сном, чтобы подоткнуть одеяльце, а мама категорически отказывалась это признавать. То есть, она вполне согласна была признать меня взрослым, но требовала аргументировать, почему это противоречит вечерним посещениям?

В результате упорной борьбы мы сошлись на одном визите, в день моего приезда.

В первый год это было ужасно важно, на второй я был бы не против, если бы мама приходила каждый вечер, но не признавался – я же не маленький! А потом как-то стало забавной традицией.

Она постучалась и, дождавшись моего: «Входи, мам!», зашла. Села на кровать рядом, улыбнулась, рассмотрев потрепанный томик с моей личной книжной полки. Погладила меня по голове мимоходом взъерошив волосы – и я не выдержал. Потерся лицом о ее ладонь и буркнул:

– Ну, давай, говори уже!

– Что? – чуть заметно улыбнулась миссис Феррерс, даже не пытаясь притворяться удивленной, и я уязвлено огрызнулся:

– Ты знаешь!

Она улыбнулась уже снисходительно и проникновенно начала:

– Милый, я все понимаю, но... Она же страшенькая, и нос у нее огромный!

– Мама! – возмущенно взвился я, и она, чмокнув меня в лоб, со сдавленным смешком выскочила из моей комнаты, как нашкодившая девчонка-школьница.

Я поднял с пола упавший приключенческий томик, гневно сопя и свирепо раздувая ноздри.

Внутренний стакан, до верхов наполненный искрящейся магией, опасно качнулся, но я усилием воли все же взял себя в руки и в очередной раз «не расплескал». Лишь позволил себе метнуть огненный сгусток в выдавшую виды мишень, служившую мне громоотводом уже больше десятка лет.

Мишень, зачарованная всеми жившими на тот момент родственниками, выброс родовой магии приняла благосклонно, распылив ее на безобидные искры.

Достались же мне предки!

Кейт

– Дай сюда.

– Эй! – к сожалению, выскользнувшие из-под носа бумаги я успела лишь проводить взглядом. Эдвард небрежно швырнул их на прикроватную тумбочку со своей стороны и плюхнулся рядом на матрас, совершенно довольный собой и мелочной выходкой.

Ну и что, что обычно этот трюк проделываю я! Имею право! А ему этого права никто не давал!

Я смирив наглеца суровым взглядом поверх очков для чтения, после чего стянула их с переносицы и потерла глаза. Пусть этого признания он от меня и не дожидается, но на сегодня работы, пожалуй, и впрямь хватит. Да и вообще, суматошный выдался денек...

– Ну?! – Эд закинул руки за голову, с любопытством глядя на меня снизу вверх.

– Что – ну?!

– Что ты ему сказала?

– Да ничего такого... – я пожала плечами. – Спокойной ночи пожелала. Нотаций ему сегодня уже достаточно прочитали, подозреваю. Тут как бы не пережать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.